

Ленинград
Молодежное театры

25 июня 1988 года ● ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД № 145 (18535) ● 3 стр.

А ЭТОТ ВЫПАЛ ИЗ ГНЕЗДА

Завтра открывается сезон в Молодежном театре

«Утинная охота» — это театральная легенда 1970-х годов. Лучшая пьеса Александра Вампилова долгое время не ставилась, находилась как бы под негласным запретом, а когда все же пошла в нескольких театрах, оказалось, что ключ к ней подобрать не так-то просто. Все понимали, что Вампилов открывает новые театральные земли, необычный сценический язык. Казалось, вот вот раскроется загадка Зилова, главного героя пьесы, — земного, грешного, почти отталкивающего и... неожиданно протестанта, неудавшегося самоубийцы. Но цельность сценического образа ускользала даже от лучших исполнителей. Иногда казалось, что время пьесы уже ушло, но чаще виделось, что время ее еще наступит. Так и происходит. В этом сезоне «Утинную охоту» поставил главный режиссер Молодежного театра Ефим Падве.

Какие ветры гудят сегодня в парусах пьесы, написанной почти двадцать лет назад? Изменилось многое. Раньше спектакли усиленно «символизировали», меняли порядок сцен, мешая сон, явь и фантазию. Чего добивались? Обобщенного звучания конфликта. Ведь изломанный, опустошенный Зилов для многих был слепком своего времени, коварскоющего человеческую природу. Он отчаянно колобродил, манировал работой, с головой кидался в мимолетные увлечения, предавал самых близких людей — отца и жену. Но все его поступки мерцали как бы двойным светом. Не слишком молодой герой влюблялся в юную девушку — но, может быть, он искал идеал чистой любви? Пил с друзьями и без оных, но какова цель — напиться или забиться? Бездельничал, а может, просто не считал нужным выкладываться на никчемной работе? Все «но» не разрешались даже в финале, «Утинная охота» — единствен-

ная постоянная привязанность Зилова — так и оставалась неразгаданным символом. Что это — попытка вырваться в другое жизненное пространство, уйти от проблем, полное бессилие перед ними или способ сохранить себя, надежда на будущее возрождение?

В Молодежном театре «Утинная охота» тоже всего лишь поэтическое обозначение каких-то других жизненных горизонтов. Несколько раз в спектакле на тускло поблескивающей вертикальной плоскости декорации (сценография А. Орлова) появляется изображение набегающих волн. Нежная, зовущая мелодия завершает картину чего-то нездешнего, манящего.

Но сам спектакль получился иным. Режиссер ставит пьесу в нарочито медленных ритмах, дарит главному герою большие куски сценического времени, оставляя его один на один со зрителями. Зилов (А. Чабан) привычно запрограммирован на те или иные поступки, но душа его не омертвела. В нем как будто упрятана туго скрученная пружина. Неизвестно, когда она распрямится и куда ударит. В какое русло пойдет сдерживаемая до поры энергия — на благо или во зло. Герой кричит: «Я один, один», и в спектакле он один. Зилов «закрыт» для окружающих. Мечется, совершает поступки, но «общей идеи» нет, нет опоры. Ему уютно в этом мире.

На первом этаже сценической конструкции мечется Зилов, а на втором постоянно маячит самодовольный, спокойный официант Дима (А. Сливников). Вот кто лишен каких бы то ни было иллюзий! Рука у него твердая, и, ударив, он не промахнется. Зилов же с самого начала существует отдельно от других. Он герой этого спектакля, потому что не захотел принять общие «правила игры», «слиться» со временем, в котором живет.

А как же те, другие, — его друзья, сослуживцы, возлюбленные? Актеры Молодежного театра стремятся играть ярко, броско и на небольшом материале роли пытаются создать запоминающуюся типаж. И это уже «другой театр».

Герои этого спектакля отнюдь не те вампиловские «люди из предместья», что только недавно переселились «на Бродвей». По повадкам и одежке они давно столичные жители, но существование их ограничено, «провинциально». Актеры играют своих героев однопольноб мужскими, найдя одну — две характерные краски. В пьесе фактическая сцена прощания с воображаемым покойником происходит дважды: в начале — как фарс, а в финале повторяется дословно, но звучит скорбно. Вероятно, и спектакль в своем отношении к персонажам должен идти по восходящей от легкомысленного шаржирования к драматической серьезности. Но у каждого в этом спектакле раз и навсегда закрепленное амплуа. В застывшей инфантильности пребывает Ирина — О. Белявская. Саяпин — один в трех лицах — друг, сослуживец и собутыльник. У В. Кухарешина это сутелный, жизнерадостный хохотун. Но не стоит забывать, что глав-

ная его «шутка» — похоронный венок, присланный Зилову. Кушак (Н. Гравшин) — неадаптивный начальник с ханжескими попытками сохранить хорошую мину при неумелой игре «попользоваться» насчет «клубнички». Верно найдена краска — гнев Кушака на почтенных, когда игра эта срывается.

Неожиданными получились два характера, Кузаков в исполнении С. Гаврича — такой постаревший «свой парень» в ковбойке 60-х годов. Вот где весь набор положительности налично — мудр, прост, сердечен. Не рядовой инженер, а сам знаменитый философ Николай Кузайский. Роль жены Зилова Галины всегда считалась важнейшей в пьесе, теплота и поддержка герою исходили именно от нее. Уходит Галина, и Зилову не нужен уже больше никто: ни юная Ирина, ни давние друзья. Но в спектакле сцены объяснения Зилова и Галины (О. Мелихова) переведены в бытовой план. А ведь в пьесе поэтичность, глубокая горечь и водовильный смех существуют рядом, одновременно. И вполне неожиданно Галину в этом спектакле, как и других персонажей, занимает в первую очередь то, что на житейском жаргоне называется «устраивать свою жизнь».

В пьесе и в самом деле на

удивление много мотивов, впрямую сталкивающих материальные интересы персонажей, но ний не ограничивается ее духовное пространство. Воспоминки хотя бы предфинальную сцену неудачного самоубийства Зилова, прерванную появлением сослуживцев. Трагический нерв сцены смазан целком жестом Саяпина, занятересованного новой партией Зилова. Здесь не только вторжение житейской правды, но еще и неоднозначность жанровой палитры пьесы, жестокая ирония.

О чем же получился спектакль? О разобщенности, лжи и неуважении друг к другу, о жизни, в которой во главу угла поставлены мелочные интересы, о пустых душах и «проигранных жизнях» и еще о человеке, который «выбыл из игры» по собственному желанию. Все это «последствие» иславно прожитых нами лет. Впрочем, может быть, возникшая после спектакля ощущение — результат не одного только режиссерского замысла, но и особенностей актерского исполнения, отсутствия ансамбля. У актеров Молодежного театра пока не хватает «дыхания» на развернутое, объемное повествование. И сам спектакль выглядит переходным на пути к постижению актерами подробной психологической игры. Но, кажется, тут не столь важно оценить спектакль. Важно, что Е. Падве, когда-то первым в Ленинграде поставившим пьесу А. Вампилова «Старший сын», сегодня вновь ищет ответы на важнейшие вопросы в его драматургии. И спектакль звучит грустным напоминанием о исчезнувших наших проблемах, так ярко отраженных театром Вампилова. Что же касается обобщений, то они возникают опосредованно, во многом благодаря специально вглядыванию в судьбу главного героя. И, вероятно, немало еще «длинных людей», порожденных безвременьем, представляют наш современный театр, кинематограф, литература.

М. БЕРЛИНА

На сцене: сцена из спектакля «Утинная охота». Фото Л. ЮЛИНА